

Начало весны 1998 года, первые числа апреля.

Свое последнее прижизненное интервью Е Цин давал в тесной, душной студии звукозаписи.

Напротив друг друга стояли потертые серые софы, обтянутые плотным хлопком, — веяние ушедшей эпохи. Сверху, точно огромный перевернутый котел, свисал тяжелый софит. Его безжалостный свет мгновенно раскалил воздух в помещении, сделав атмосферу душной и знойной.

Пол, покрытый серым линолеумом неопределенного оттенка, был отполирован до такой степени, что в нем, как в зеркале, смутно отражалась суета съемочной группы, сновавшей вокруг камер.

Даже сейчас, сквозь зернистое, темное изображение и грубый монтаж старой записи, было видно, как Е Цин, сидевший напротив ведущей в мягком просторном свитере, словно излучал ровный, тихий свет.

Его лицо напоминало традиционную монохромную живопись — несколько легких, тонких штрихов тушью, в которых, однако, сквозила пронзительная, почти осязаемая печаль.

Ведущая — незнакомая Шао Си женщина лет двадцати с небольшим, в черных расклешенных брюках и с мелкими кудрями химической завивки — сидела, изящно закинув ногу на ногу. Натянув дежурную профессиональную улыбку, она смотрела прямо перед собой и ровным голосом спрашивала:

— Позвольте спросить, что в этой жизни для вас важнее всего?

Е Цин какое-то время безучастно смотрел куда-то в сторону. Лишь спустя долгую паузу он перевел взгляд на собеседницу. Его голос, мягкий и глубокий, обладал редким магнетизмом — после первого же прослушивания забыть было уже невозможно.

— Любовь... и свобода. Возможность дышать открыто. Пространство, где можно быть собой, не таясь.

Досмотрев архивную запись до конца, Шао Си вернул бегунок плеера назад и переслушал ответ еще раз.

Он так и не понял до конца.

Любовь? Свобода? С этим все ясно. Но что означали последние слова?

Эта запись так и не вышла в эфир. Ее планировали выпустить тринадцатого апреля в восемь вечера на двенадцатом канале, но накануне, около полуночи, Е Цин шагнул с крыши высотного здания. Смерть наступила мгновенно.

Полиция закрыла дело с вердиктом «самоубийство».

Шао Си сидел на пушистом ковре у двери своей спальни, прислонившись спиной к косяку, и задумчиво изучал другие документы в почтовом ящике. Вдруг телефон в его руке коротко завибрировал, глухо отозвавшись в ворсе ковра. На экран выскочило сообщение.

«Это все, что удалось раскопать. Дальше тупик. Видео считай моим подарком. Если приспичит копать глубже, могу дать контакты старшего коллеги. Он в этих делах дока, но и берет в разы больше».

На первый взгляд — обычное деловое предложение, но если вчитаться, за версту несло подвохом.

Если раскапывать больше нечего, зачем навязывать услуги своего пресловутого «коллеги»?

Шао Си было лень набирать текст, и он просто набрал номер отправителя. На том конце провода ответили после пары гудков. Собеседник, как обычно, воспользовался искажителем голоса, отчего его речь звучала дико и карикатурно, напоминая скрип дряхлого старика:

— Да, слушаю вас.

— Смени фильтр, — Шао Си поудобнее подогнул под себя ногу. — Этот слух режет.

— Минутку, сейчас настрою.

После серии странных, булькающих звуков Шао Си понял, что лучше не тратить время на настройку аппаратуры, и сразу перешел к делу:

— Ты говоришь, что зацепок нет, но тут же суешь мне номер своего напарника. Выкладывай, что там не так с этим делом?

На том конце воцарилось молчание.

— Вообще-то, официально дело чистое. Но мне удалось отыскать архив одного старого закрытого форума — что-то вроде местной курилки тех лет. Я восстановил резервные копии переписок и наткнулся на пару очень странных нестыковок. Но утверждать что-то наверняка пока рано. Давайте я завтра все подготовлю и скину вам отчет.

Собеседник поспешно повесил трубку.

У Шао Си сна не было ни в одном глазу, а глубокая ночь — самое паршивое время для навязчивых мыслей. Голову заполнили сотни догадок, но ни одна не казалась убедительной.

Поняв, что только зря изводит себя, молодой человек поднялся на ноги. Чтобы хоть как-то убить время, он решил спуститься в бар и выпить.

Отель, который выбрал режиссер Оу, отличался первоклассным сервисом и отличной планировкой.

Когда Шао Си спустился в холл, часы показывали глубокую ночь — начало третьего. Почти все постояльцы давно спали, в полутемном ресторане не было видно даже официантов.

Он уже взял у барной стойки бокал и собирался уходить, но на полпути к лифтам замер перед лаковым черным роялем, стоявшим в самом центре зала.

На заре своей карьеры, когда агентство еще пыталось слепить из них молодежный бойбенд, Шао Си прошел суровую школу трейни. Их заставляли копировать популярные корейские группы: петь, танцевать под фонограмму, светить лицами на копеечных шоу, чтобы набрать хоть какую-то фанбазу.

Хотя сейчас никто из них уже не вспоминал о существовании той нелепой группы «B17». Орава из семнадцати парней выпустила один-единственный альбом, отыграла пару фан-встреч, разошлась на телевидении и благополучно прекратила свое существование, прежде чем зрители успели запомнить их лица.

Пел Шао Си, мягко говоря, средне. В ноты попадал, голос был приятным, но исполнял все совершенно бездушно. Он физически не умел выдавать слезливую драму, не переносил рэп, а уж кривляться на сцене под бодрый бит... уж лучше сразу пулю в лоб.

В те времена Шао Си держался особняком. Пока остальные парни пели, надрывно прижимая ладони к груди и закатывая глаза в приступе напускного страдания, он стоял столбом с абсолютно каменным лицом.

Зато играть на фортепиано его учили с раннего детства.

Поддавшись внезапному порыву ностальгии, Шао Си поставил бокал на столик, сел за инструмент, пробежался пальцами по клавишам и заиграл мелодию их старого глупого хита — «Гипсофила».

Легкий, с налетом светлой грусти мотив поплыл по безмолвному залу.

«Хочу подарить тебе букет гипсофилы,
Прошептать на ухо, как сильно люблю...
Но почему ты уходишь в туманную даль,
Оставляя меня в одиночестве здесь?..»

Гу Яньчжоу оказался в ресторане совершенно случайно. Он просто ходил в спортзал за забытыми вещами — занимался там вечером и только сейчас вспомнил, что оставил распечатку сценария в раздевалке.

Проходя мимо полутемного зала, он услышал музыку.

Длинные, изящные пальцы Шао Си уверенно скользили по клавишам. Глаза его были полуприкрыты. Видимо, парень уже принял душ перед сном: челка была забавно стянута резинкой на макушке, открывая высокий лоб. Свободный черный свитер подчеркивал бледность кожи, а мягкий свет люстры очерчивал его силуэт тонким золотистым контуром.

Гу Яньчжоу всегда знал, что Шао Си непозволительно, чертовски красив. От него веяло колючим холодом неприступности, а его молчаливое присутствие обычно подавляло окружающих. При росте под метр восемьдесят он казался хрупким, но держался с королевским достоинством.

Эта дистанция, которую он держал со всеми, и была его главным оружием.

И лишь познакомившись с ним ближе, Гу Яньчжоу понял, что за этой маской скрывается человек, ленивый до мозга костей.

Шао Си играл без запинки, но ближе к финалу забыл аккорды. Попробовал подобрать на слух, сбился еще сильнее и в итоге просто в сердцах опустил руки на клавиши. Разомкнув веки, он наткнулся взглядом на Гу Яньчжоу, который подпирал плечом косяк двери.

— Давно ты тут стоишь?

— Только подошел, — мужчина приподнял стопку листов. — Забыл сценарий. А ты чего не спишь?

Шао Си подогнул одну ногу под себя и устало положил подбородок на колено:

— Не спится что-то. Бессонница.

С этими словами он потянулся к своему бокалу. Лед в нем уже наполовину растаял, превратив алкоголь в безвкусную теплую жижу.

Гу Яньчжоу подошел ближе и мягким движением забрал бокал из его рук.

— Раз уж я бесплатно послушал концерт, то в качестве гонорара смешаю тебе что-нибудь приличное. Что будешь?

Шао Си продолжал лениво сидеть на банкетке, не делая попыток подняться. Тогда старший аккуратно взял его за запястье и потянул на себя, заставляя встать.

Шао Си покорно поплелся за ним к барной стойке. Пока Гу Яньчжоу искал чистые бокалы, он улегся грудью на деревянную столешницу и принялся лениво водить пальцем по меню. Наконец его взгляд зацепился за строчку «Апельсиновый сок».

— Вот это. Апельсины выжимать умеешь?

Мужчина, уже собиравшийся приготовить ему классический мартини, замер с бутылкой в руках и удивленно обернулся:

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда, — Шао Си приподнялся на цыпочках, заглядывая за стойку. — У вас тут хоть соковыжималка водится?

В итоге великому киноимператору действительно пришлось давить сок.

Шао Си с нескрываемым удовольствием наблюдал, как Гу Яньчжоу закатал рукава, тщательно вымыл фрукты, взял нож и быстрыми, отточенными движениями очистил их от кожуры.

Между ними завязался на удивление мирный разговор.

— Как называлась та песня? — спросил Гу Яньчжоу, не отрываясь от работы.

— Лучше тебе не знать. Жуткая попса, — Шао Си взгромоздился на высокий барный стул и принялся покачивать ногой, задевая носком пол. — Слышал когда-нибудь про группу «B17»?

Мужчина отложил нож, вытер руки бумажным полотенцем и поднял на него глаза:

— Нет. Корейцы какие-то?

— Наши, отечественные, — хмыкнул Шао Си. — К слову, я там лидером был.

Гу Яньчжоу окинул его долгим, ироничным взглядом:

— Теперь понятно, почему вы прогорели.

— Эй, — Шао Си недовольно постучал пальцами по стойке. — Ты на что намекаешь?

Собеседник наполнил стакан свежавыжатым соком и пододвинул к нему:

— Ни на что. Твой заказ. Угощайся.

— Спасибо, — Шао Си взял стакан и припал к трубочке.

В итоге они просидели у бара еще около получаса. Шао Си пил сок и не спеша рассказывал о временах своей бурной молодости.

О том, как семнадцать парней делили одну крошечную гримерку, а на переодевание между номерами им давали от силы минут десять.

Тогда все казалось простым и значительным. И радости, и беды были какими-то детскими.

Чи Цзыцзюнь как-то целый день ходил сам не свой от счастья просто потому, что на его страницу в вейбо подписалось три десятка человек. Он тогда даже выкатил на радостях огромный нелепый пост с благодарностями за первую тысячу подписчиков.

— Хотя тебе, наверное, этого не понять, — Шао Си подпер щеку ладонью, наблюдая, как Гу Яньчжоу наливает себе немного водки и бросает в стакан три кубика льда. — Ты ведь с первой же роли начал грести награды лопатой. Знаешь, как тебя в сети называют? Читерным киноимператором.

А как еще назвать человека, который стал легендой после первого же фильма?

— Поменьше читай всякую ерунду, — усмехнулся Гу Яньчжоу, делая глоток. — Когда я пробивался из массовки, вы еще в песочнице куличики лепили.

<http://bllate.org/book/18321/1756426>